

преуспели. Никаких тайн они никому не открывают и в душе своей носят разве что тоску по прошлой жизни, печаль по утраченному.

Также очевидна связь обоих русалочьих типов с мистерией природы, только связь эта разного характера. У кондратьевских русалок, попадающих под влияние весенней богини, начинает болеть душа из-за отсутствующего сердца. Весна – сама по себе богиня, покровительница, привносящая в жизнь демонического населения Ярыни нечто прекрасное и чудесное, но все-таки недоступное. Классическая русалка символизирует весну, она ее жрица, посредница между богами и земной природой. Имеется в мифах о русалках и религиозный смысл. Несомненное символическое значение всех русалий – отражение в душе и поступках человека мистерии весны, следовательно, мистерии жизни, ведь чем ярче светит солнце, тем пышнее цветет природа, тем больше творческие силы ее наполняют человеческую душу и тем больше сама душа, согласно древним поверьям, приобщается к таинственной жизни богов [3].

В заключение следует сказать, что Александр Алексеевич Кондратьев серьезно переосмыслил традиционный русалочий образ, полагаясь на знания о мифологическом миропонимании, о верованиях древних славян, а также на логичность построения собственного выдуманного мира. Русалки Кондратьева – существа, живущие согласно собственной иерархии и законам и вступающие в контакт с людьми лишь потому, что люди находятся в непосредственной близости. Они не обладают выдающимися способностями или исключительными сакральными знаниями, их существование обусловлено строением мира, в рамках которого разворачивается роман Кондратьева. Умело сочетая разные точки зрения на один и тот же образ, писатель находит возможность абстрагироваться от той особенности мышления, которая присуща большинству людей – необходимости привязывать все в этом мире к человеку, приурочивать к нему существование всего мистического. Кондратьевские русалки существуют в другой плоскости, которая, вне всякого сомнения, пересекается с человеческой, но, тем не менее, остается обособленной. И именно поэтому обитательницы Ярыни оказываются также логичны и уместны в мире кондратьевского романа, как любые другие, более привычные существа, обитающие возле человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX в. Роман А. Кондратьева «На берегах Ярыни». – Trento, 1990. – 328 стр.
2. Воронина Т. Н. Языковые особенности обозначения фольклорно-мифологического пространства романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т.25 (64) – №1. Часть 1. – С.259 – 264.
3. Белякова Г. С. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995.
4. Кондратьев А. А. Сны: Романы, повесть, рассказы. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 544 стр.

УДК 821.161.1

ИСПЫТАНИЕ СМЕХОМ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Д. Н. Поляруш, Л. М. Ракитина

Резюме: В данной статье ставится вопрос о месте и функции испытания смехом в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». В статье установлено, что испытание смехом является кульминационным моментом испытаний главного героя романа Н. Ставрогина и становится главным условием раскрытия личности одного из самых загадочных персонажей Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, смех, испытание, роман.

М.М. Бахтин в своей работе «Вопросы литературы и эстетики» отнёс романы Достоевского к «ярко выраженным романам испытания» [1]. Это особый тип романа, в котором «герой дан всегда как готовый и неизменный. Все качества его даны с самого начала и на протяжении романа лишь проверяются и испытываются» [2]. Испытание героя – один из самых распространённых способов организации сюжетно-фабульной действительности романа. По мере развития романного жанра формы испытаний приобрели новые свойства и качества.

В романах Достоевского всегда содержится испытание идеи и человека, её представляющего. Ведущие герои Достоевского – идеологи. Они наделены страстью к экспериментаторству над собой и своими идеями. Особенно это относится к герою романа «Бесы» Ставрогину. По его собственному признанию, он «пробовал везде свою силу», и каждый раз убеждался в её беспредельности. О «пробах» Ставрогина читатель частично узнаёт из предыстории со слов хроникёра, а в текущем сюжете предлагается рассказ о завершающей и решающей фазе испытания этого героя.

И на этом этапе самую главную роль играет задуманное Ставрогиным испытание исповедью, при этом кульминацией этого испытания, как будет видно из дальнейшего анализа, становится испытание смехом. Роман «Бесы» весь пронизан смеховой стихией в самых разных проявлениях: от мягкой иронии до «адского хохота». В данной работе мы попытались рассмотреть одну весьма значительную функцию смеха – испытание героя на его способность выдержать смех над собой, над тем, что является для него сокровенным. Этот вопрос изучен ещё недостаточно и сохраняет свою актуальность, особенно в отношении главного героя романа «Бесы» Ставрогина [3].

Важно заметить, что внутренняя жизнь Ставрогина превращена в романе в главную тайну, которую тщетно пытаются разгадать другие герои. На сообщаемых о нём сведениях лежит печать недосказанности, двусмысленности, противоречивости. С мотивом тайны у Достоевского всегда связано понимание глубокой проблематичности человека. Писатель всегда оставлял своим героям право на тайну, считая, что последнее слово о себе должен сказать сам герой, особенно когда речь идёт о сокровенном. «Только в форме исповедального самовысказывания может быть, по Достоевскому, дано последнее слово о человеке, действительно адекватное ему». [4]

Ситуация испытания для того и нужна Достоевскому, чтобы спровоцировать Ставрогина на такое «исповедальное самовысказывание». Испытание выявляет внутреннюю борьбу противоположных мотивов в поведении Ставрогина, побуждает его к самораскрытию, актуализируют потребность быть услышанным другим человеком и не только услышанным, но и принятым им. С исповедью Ставрогин связывает свою последнюю надежду на обновление и новую жизнь. Исповедь есть испытание этого героя на его способность возродиться, и он добровольно ищет себе в этой исповеди крест, чтобы вновь начать верить.

Но при этом человек, решившийся на исповедь, рискует быть осмеянным. Это и становится самым трудным, даже мучительным испытанием для Ставрогина. Обратимся к главе «У Тихона», в которой содержится исповедь и обрамляющий её диалог Ставрогина с архиереем Тихоном. Как известно, эта глава была запрещена к печатанию и до сих пор публикуется отдельно от основного корпуса романа «Бесы». Но мы согласны с теми исследователями, которые считают что «Бесы» без главы «У Тихона» всё равно, что «храм без купола» [5]. И это понятно. Здесь окончательно решается судьба Ставрогина: выясняются нравственные ресурсы его личности, и подготавливается трагическая развязка.

Исповедь построена как предельно откровенный самоанализ преступного сознания. Ставрогин не щадит себя, записывая все вызывающие ужас подробности

своих чувств, мыслей и поступков, из которых складывается чудовищный и уродливый образ человека, потерявшего способность различать добро и зло.

Исключительность ситуации подчёркивается тем, что собеседник Ставрогина – «архиерей на покое» Тихон – человек не только твёрдой веры, но и поразительной способности проникать и угадывать чужую душу, даже такую искривлённую, как душа Ставрогина. После чтения исповеди между ними происходит напряжённый диалог, в ходе которого Тихон сразу обращает внимание на «неблагообразие» слога написанной Ставрогиным исповеди, на нарочитую грубость фразы, циничную и бесстрастную точность страшных подробностей поступка с девочкой Матрёшей.

Хотя старец высоко оценил искренний порыв к покаянию, он при этом пронизательно заметил: «...Вы как будто уже ненавидите и презираете вперёд всех тех, которые прочтут здесь описанное, и зовёте их в бой. Не стыдясь признаться в преступлении, зачем стыдитесь вы покаяния? – (...). Иные места в вашем изложении усилены слогом, ... вы хватаетесь за каждую мелочь, только чтобы удивить читателя бесчувственностью, которой в вас нет. Что же это, как не горделивый вызов от виноватого к судье?» [6].

Комментируя это высказывание, М.М. Бахтин замечает, что Тихон понял главное: изломанный стиль ставрогинской исповеди определяется «оглядкой на другого», то есть на реакцию читателя, в которой Ставрогин предчувствует не только ненависть и осуждение (с этим он бы справился), но и осмеяние. Этого он боится «смертельно», если использовать слово самого Тихона:

«– Мне страшно за вас, – прибавил он, – перед вами непроходимая бездна.

– Что не выдержу? Что не вынесу со смирением их ненависти?

– Не одной лишь ненависти.

– Чего же ещё?

– Их смеху, – как бы через силу и полушёпотом вырвалось у Тихона.

Ставрогин смутился; беспокойство выразилось на его лице» [7].

Заметим, что любимые герои Достоевского, такие, как князь Мышкин, Алёша Карамазов, не боятся смеха над собой, даже с искренней готовностью смеются над собой вместе с другими. «Осмеянная и не знающая себе цены красота» [8] – вот источник их обаяния.

Ставрогин, как и Раскольников, Версилов, Иван Карамазов, боятся быть осмеянными из-за свойственной им гордыни. Даже когда они по видимости смиряются это не искреннее, не полное и, значит, не подлинное смирение, «уничуждение паче гордости». Ставрогин как бы принуждает себя к смирению через презрение и ненависть, но не через осмеяние. Между тем, по словам Тихона, «наипозорнейший крест становится великою славой и великой силой, если искренно было смирение подвига» [9].

Если красота Мышкина лишь возрастала от проявлений его комического чудачества, то смешное в Ставрогине и подобных ему героях Достоевского, усиливало впечатление их «неблагообразия». «Некрасивость убьёт, – прошептал Тихон и опустил глаза (...) есть преступления поистине некрасивые. В преступлениях, каковы бы они ни были, чем более крови, чем больше ужаса, тем они внушительнее, так сказать картиннее; но есть преступления стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, даже слишком уже не изящные ... – Тихон не договорил» [10].

Сердцеведец Тихон читает в душе Ставрогина как в открытой книге, он угадывает сокровенную тайну Ставрогина: его малодушный страх перед убийственной «некрасивостью». Это невыносимо для Ставрогина потому, что вызовет смех у тех, кто будет его судить: «– Вы находите весьма смешною фигуру мою, когда я целовал ногу грязной девчонки ... именно поэтому отчаиваетесь за меня, что некрасиво, (...) стыдно,

смешно, и вы думаете, что этого-то я всего скорее не перенесу?» – спрашивает Ставрогин у Тихона и получает ответ: «Не приготовлены, не закалены» [11].

Осмеяние, к которому не готов Ставрогин, по своему нравственно-психологическому наполнению прямо противоположно смеху над князем Мышкиным. Герой «Идиота» возбуждает сострадание и любовь к «осмеянной и не знающей себе цены красоте». Ставрогина, как предчувствует он сам (и Тихон), ожидает осмеяние злобное, враждебно-мстительное, «адский холод», близкий к тому, каким смеётся над ним Хромоножка, когда развенчивает его как самозванца. Предложение Тихона Ставрогину отказаться от обнародования исповеди и принять иной путь смиренного, безвестного и длительного покаяния в дальнем монастыре, не было принято Ставрогиным именно из-за его «неэффективности», «некрасивости».

Результат испытания Ставрогина исповедью уже предопределён предшествующим сюжетным эпизодом, в котором тоже значительную роль играет испытание смехом. Это посещение Ставрогиным своей, хотя и законной, но тайной жены Марьи Лебядкиной. Женитьба красавца-аристократа на хромой идиотке – это ещё один чудовищный «эксперимент» и ещё одна тайна Ставрогина, в которой он хочет признаться публично. Теперь, когда его «борет новая мысль» о возрождении через покаяние, он приходит к своей жене «с миром» и хочет быть смиренным. Эта перемена не укрылась от Хромоножки, наделённой, как и Тихон, ясновидением. Весь эпизод встречи проходит как развенчание Ставрогина. Хромоножка не узнаёт в новом Ставрогине прежнего, того, который «и Богу, захочет, поклонится, а захочет, и нет» [12].

«Прочь, самозванец», – повелительно вскричала она» [13]. Он бросился бежать, но она успела вослед ему «прокричать с визгом и хохотом»:

– Гришка От-репёв а-на-фе-ма!» [14].

Эта сцена изображена как «карнавальная преисподняя», если употребить выражение М.М. Бахтина. Она резко контрастирует с эпизодом в монастырской келье Тихона, но при этом есть общее. Во-первых, в том, что мир в лице своих наиболее пронизательных представителей не верит в возможность обновления Ставрогина. Во-вторых, в том, что и Тихон, и Хромоножка предчувствуют, что именно теперь Ставрогин наиболее близок к новому преступлению. И, в-третьих, в обоих эпизодах присутствует момент испытания смехом: Тихон предупреждает о нём, а Хромоножка безжалостно хохочет в лицо Ставрогину.

Этот безумный хохот получает своё продолжение в злобном хохоте самого Ставрогина, внезапно осознавшего после встречи с Хромоножкой своё бессилие и невозможность возрождения. Он бросает деньги Федьке Каторжному, как бы давая санкцию на убийство жены. «...ему ужасно хотелось захохотать, громко, бешено...» И далее: «Николай Всеволодович громко захохотал и, вынув из кармана портмоне, выбросил ему (Федьке – Д. П.) бумажку, ... кинул в него, наконец, всею пачкой и, продолжая хохотать, пустился по переулку...» [15].

Стоит заметить, что и другая героиня романа, влюбленная в Ставрогина Лиза, раньше других начала понимать не только «демонизм» Ставрогина, но и его «комизм». «Я вам должна признаться, – говорит она, – у меня укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде... Я буду хохотать над вами всю свою жизнь» [16]. Ложное демоническое величие вызывает смех. Претензия на подвиг – комична. Лиза, в сущности, повторяет слова Тихона.

После этого наступает окончательная катастрофа. Ставрогин кончает с собой, и само его самоубийство – через удушение – поражает «некрасивостью» подробностей, особенно «жирно намыленный крепкий шнурок».

Самоубийство Ставрогина свидетельствует о том, что он не призван для религиозного подвига. По мнению Тихона, важно не только сознать сотворенное зло как своё, но и покаяться в нём, ужаснуться ему. А для этого необходима вера, «свет Христов» в душе преступника. «Подвиг ваш, если от смирения, был бы величайшим христианским подвигом...» [17]. Ставрогин самозванец, который разоблачён и развенчан, и главная роль в этом развенчании принадлежит смеху.

Таким образом, боязнь быть осмеянным делает задуманное Ставрогиным публичное покаяние неполным, лишённым искренности и жертвенности. Его исповедь становится последней пробой в ряду многих экспериментов, свидетелем которых становится читатель. Она доказала, что в его жизни уже ничего нельзя изменить, что он не может справиться с распадом своей личности, так как одинаково «не верен ни Богу, ни сатане» [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетика. – М.: Худ. лит., 1975, 195с.
2. Там же, 190с.
3. См. работы: Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина». – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006 ; Чирков Н.М. О стиле Достоевского. – М., 1963 ; Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. – Саратов, 1982. и др.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – 3-е изд. – М.: Худ. лит., 1972, 94 с.
5. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун 21 века. – М.: Сов. писатель, 1989. – 33 с.
6. Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона» Рукописные редакции. Полн.ж собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.11, 28 с.
7. Там же.
8. Достоевский Ф.М. Подготовительные материалы к роману «Идиот». Полн.ж собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.9, 240 с.
9. Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона» Рукописные редакции. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.11, 27 с.
10. Там же.
11. Там же.
11. Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.10, 219 с.
12. Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.10, 219 – 221 с.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Достоевский Ф.М. Бесы. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.10, 401 с.
17. Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона» Рукописные редакции. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – М. – Л.: Наука, 1974, Т.11, 29 с.
18. Булгаков С.Н. Русская трагедия//Антология русской критики. М.,–1996.

УДК 81.366

НЕСКЛОНЯЕМЫЕ ИМЕНА В НОВЕЙШИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Ю. О. Родионова, Т. В. Тугова

Резюме. В данном исследовании было проанализировано изменение количественного состава несклоняемых лексем в новейших академических словарях, выявлены подвижки в грамматических и семантических особенностях анализируемых слов. Установлено процентное соотношение активной и пассивной лексики среди неизменяемых слов. Выделены основные семантические группы, пополняющих современный вокабуляр лексем.

Ключевые слова. Неизменяемость, грамматикализация, сужение и расширение значений.

Современный русский язык с огромной силой и скоростью накапливает ресурсы для адекватного и точного отражения реалий возникающих в наше время, для достоверного отражения смысла перемен, происходящих в обществе. Язык – явление саморазвивающееся и витальное [1, с. 7], «появление новых слов в языке показывает,